

DOI: 10.31857/S013038640019933-4

© 2022 г. Д.В. СТЕРХОВ

ПРОТЕСТАНТСКАЯ ЦЕРКОВЬ И ВОЕННАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В ПРУССИИ ВО ВРЕМЯ ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ 1813 года

Стерхов Дмитрий Владимирович – научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Аннотация. В статье анализируются политические проповеди протестантских пасторов, прочитанные и опубликованные ими во время Освободительной войны 1813 г. против наполеоновской Франции. Именно в этот период в Пруссии фактически была введена всеобщая воинская повинность для мужчин, против врага была объявлена тотальная война с характерной для нее массовой мобилизацией всех слоев населения на защиту Отечества. Цель исследования заключается в том, чтобы продемонстрировать вклад протестантского духовенства в модернизацию прусской военной системы. Исследование базируется на кейс-методе, так как представляет собой анализ взаимодействия религии и политики на конкретном примере Пруссии, а также опирается на ведущиеся в современной исторической науке дискуссии о секуляризации и модернизации. Анализ источников показал, что идея массовой мобилизации продвигалась в Пруссии с помощью религиозной аргументации и символики, а политическая проповедь служила основным инструментом государственно-патриотической пропаганды. Опираясь на цитаты из Библии, прусские пасторы преподносили войну против Наполеона как оправданную, справедливую и священную, так как она велась во имя Бога и общечеловеческих ценностей. Священными объявлялись и ценности национально-патриотического характера, при этом особый упор в проповедях делался на локальный религиозно-династический прусский патриотизм. Через проповеди духовенство поддерживало готовность прусского населения нести материальные жертвы ради спасения Отечества и всего человечества от наполеоновской тирании. Таким образом, военная мобилизация в Пруссии в 1813 г. шла рука об руку с интенсификацией народной религиозности. Это обстоятельство позволяет сделать вывод о том, что в европейских государствах начала XIX в. модернизация не всегда означала секуляризацию.

Ключевые слова: Пруссия, Наполеоновские войны, протестантизм, религия и политика, проповедь, тотальная война, Освободительные войны.

D.V. Sterkhov

The Protestant Church and Military Mobilisation in Prussia during the Wars of Liberation in 1813

Dmitrii Sterkhov, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: dmitrii.sterkhov1987@gmail.com

Scopus Author ID: 57202980490; ORCID: 0000-0003-3173-793X

Abstract. The author analyses the political sermons preached and published by Evangelical pastors during the War of Liberation against Napoleonic France in 1813. The aim of the article is to demonstrate the contribution made by Evangelical clergy to the modernisation of the Prussian military system at the beginning of the nineteenth century. The study is a case study as it analyses

the interaction between religion and politics taking the Kingdom of Prussia as a specific example. An analysis of the sources shows that the idea of mass mobilisation in Prussia was disseminated by means of religious reasoning, with preaching being the key tool of military propaganda. Drawing on biblical quotations, Prussian pastors presented the campaign against Napoleon as just, fair, and holy, as it was being waged in the name of God for the sake of all mankind. German national and patriotic values were also declared sacred and worth dying for, although preachers clearly emphasised local religious and dynastic Prussian patriotism. Through sermons, Prussian pastors encouraged the willingness of the population to make material and immaterial sacrifices to save the Prussian/German Fatherland as well as all mankind from Napoleonic tyranny. Thus, the mass mobilisation in Prussia in 1813 went hand in hand with an increase in religiosity. The author concludes that both religion and the church could make a significant contribution to the modernisation of European states and societies in the early nineteenth century.

Keywords: Prussia, Napoleonic Wars, Protestantism, religion and politics, total war, War of Liberation.

Весной 1813 г. Пруссия в союзе с Россией начинала очередную войну против Наполеона. Война эта была во многих аспектах весьма необычной. Сокрушительное поражение, которое Пруссия потерпела в 1806–1807 гг., заставило прусское правительство начать серию прогрессивных реформ, одной из которых была военная. Ведущие прусские реформаторы, такие как Герхард фон Шарнхорст, Август Нейдхардт фон Гнейзенау и Герман фон Бойен, настаивали на введении всеобщей воинской повинности и организации массовой народной мобилизации против наполеоновского господства, однако их идеи постоянно отвергались нерешительным королем Фридрихом Вильгельмом III. Лишь катастрофа наполеоновской Великой армии в России в 1812 г. и последующее заключение русско-прусского альянса в феврале 1813 г. позволили реализовать идеи военных реформаторов на практике. В ходе войны Шестой коалиции (1813–1814 гг.) впервые в истории Пруссии вводилось нечто похожее на всеобщую воинскую повинность.

Историки сходятся во мнении, что всеобщая воинская повинность для мужчин является продуктом современного общества и государства¹. Впервые она была введена во Франции в годы революции. Французская массовая мобилизация (*levée en masse*) оказалась настолько эффективной, что другие страны Европы, в том числе и Пруссия, со временем были вынуждены модернизировать свои военные структуры для того, чтобы приспособиться к новым методам ведения войны. С этой точки зрения Освободительная война 1813 г. может считаться поворотным моментом в истории Пруссии, так как именно в этот период прусская военная организация была реформирована самым радикальным образом. В феврале 1813 г., еще до официального объявления войны Франции, прусский король Фридрих Вильгельм III издал указ об отмене любых освобождений от воинской службы, тем самым фактически введя в Пруссии всеобщую воинскую повинность². 17 марта 1813 г. был издан указ о создании прусской национальной милиции — Ландвера³. 21 апреля 1813 г. вышел в свет эдикт о формировании Ландштурма, т.е. резервных войск, куда призывалось все мужское население от 17 до 60 лет, не проходившее воинской службы в регулярной армии или Ландвере⁴. Эдикт о создании Ландштурма также предусматривал введение тактики «выжженной земли» в случае вторжения врага на территорию Пруссии, в частности, населению прусских провинций рекомендовалось вытапывать посевы, забивать скот, засыпать колодцы, сжигать дома и постройки, уничтожать все

¹ Frevert U.A. Nation in Barracks. Conscription, Military Service and Civil Society in Modern Germany. Oxford, 2014. P. 9.

² Verordnung über die Aufhebung der bisherigen Exemption von der Kantonpflichtigkeit für die Dauer des Krieges. Vom 9ten Februar 1813 // Gesetz-Sammlung für die Königlichen-Preußischen Staaten. Berlin, 1813. S. 13–14.

³ Verordnung über die Organisation der Landwehr. Vom 17ten März 1813 // Gesetz-Sammlung... S. 36–37.

⁴ Verordnung über den Landsturm. Vom 21sten April 1813 // Gesetz-Sammlung... S. 79–89.

имеющиеся ресурсы с целью измотать и изнурить противника⁵. Пруссия впервые в своей истории проводила массовую военную мобилизацию, которая, безусловно, не могла обойтись без активной патриотической пропаганды. 17 марта 1813 г., в самый первый день войны, Фридрих Вильгельм III издал знаменитый манифест «К моему народу», в котором он призвал своих подданных выступить на защиту прусского Отечества⁶. Многочисленные правительственные декреты, официальные обращения и прокламации, памфлеты и газетные статьи, патриотические песни и стихи, опубликованные на протяжении 1813 г., неустанно напоминали пруссакам об их обязанности принести все возможные жертвы ради победы над врагом.

Особая роль в организации военной мобилизации и патриотической пропаганды была отведена прусскому протестантскому духовенству. Использование протестантского духовенства в интересах государства стало возможным благодаря тому, что на протяжении XVII–XVIII вв. в прусском королевстве постепенно складывалась особая система территориального управления церковью (*landesherrliches Kirchenregiment*), во главе которой стоял монарх. Такое положение дел позволяло прусским правителям мобилизовать идеологические ресурсы церкви для государственных нужд. Обязанность духовенства проповедовать любовь к королю и Отечеству и поддерживать лояльность населения к власти через проповедь была юридически закреплена в «Общем земском праве для прусских государств» — первом в Пруссии кодифицированном сборнике законов, изданном королем Фридрихом Вильгельмом II в 1794 г.⁷ В рамках системы прусской государственной церкви протестантские священники фактически выступали в роли чиновников, исполняющих обязанности, напрямую не относящиеся к их духовной деятельности (например, зачитывание правительственных декретов с церковного амвона). Первые попытки использовать идеологический потенциал протестантской церкви в широком масштабе относятся к периоду Семилетней войны, в ходе которой прусскими пасторами было прочитано большое количество проповедей, восхвалявших победы Фридриха II Великого над его врагами⁸. К концу XVIII в. проповедь стала одним из доминирующих жанров на прусском литературном рынке. Прусские священники с большой охотой отдавали в печать свои проповеди, в том числе и политического характера. Проповеди могли выходить как в виде отдельных изданий, так и в виде сборников, кроме того, они могли печататься в религиозных журналах, весьма популярных среди грамотной публики. На фоне других литературных жанров проповедь выгодно отличалась тем, что не только печаталась, но и произносилась вслух, а значит, ее идеи могли достичь более широкую аудиторию, в том числе неграмотную. Не стоит, однако, умалять значение и печатного слова: огромное количество проповедей, вышедших в свет в Пруссии в начале XIX в., свидетельствует о том, что этот жанр был весьма востребован среди образованных слоев общества. Активное участие духовенства в публицистической деятельности нашло отражение и в конкретных цифрах. К примеру, по данным исследовательницы Карен Хагеманн, священники составляли 29,1% от общего числа политических публицистов в Германии периода Освободительных войн⁹, 44,4% всех производителей повседневной литературы имели теологическое образование¹⁰.

Конфессиональная ситуация в Пруссии в начале XIX в. была достаточно сложной. Основную массу населения составляли лютеране, преимущественно проживавшие

⁵ Ibid. S. 86.

⁶ Schlesische Privilegierte Zeitung. № 34 (20. März 1813).

⁷ Birtsch G. Religions- und Gewissensfreiheit in Preussen von 1780 bis 1817 // Zeitschrift für Historische Forschung. 1984. № 11. S. 201.

⁸ Horn C. Die patriotische Predigt zur Zeit Friedrichs des Großen // Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte. 1924. № 19. P. 78–128.

⁹ Hagemann K. “Männlicher Muth und deutsche Ehre”. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000. S. 170.

¹⁰ Ibid. S. 167.

в центральных провинциях королевства и в Восточной Пруссии. Небольшой процент населения составляли кальвинисты, к этой деноминации относилась и правящая династия Гогенцоллернов. Отдельное церковное управление имели французские гугеноты, переселившиеся в Бранденбург из Франции в конце XVII в. К религиозным меньшинствам принадлежали католики (Силезия, Польша) и евреи. Конфессиональное многообразие вынуждало прусские власти проводить политику религиозной толерантности. Кроме того, начиная с XVII в. наметилась тенденция к объединению всех трех протестантских конфессий в одну, что в итоге привело к образованию Прусской религиозной унии 1817 г. Стоит отметить, что идеологические и теологические различия между лютеранами и кальвинистами к началу XIX в. практически утратили свое бывшее значение, по крайней мере в политических вопросах как лютеранские, так и кальвинистские пасторы высказывали примерно одинаковые идеи.

Проблеме участия прусского протестантского духовенства в военной мобилизации 1813 г. уделялось достаточно мало внимания в историографии. Большая часть работ, посвященных этой теме, относится к началу XX в.¹¹ Из более поздних трудов стоит отметить монографию Арли Дж. Хувера, в которой рассматривается патриотическая деятельность немецкого духовенства во время Наполеоновских войн, франко-прусской войны 1870—1871 гг. и Первой мировой войны¹². На сегодняшний момент, однако, единственной полноценной работой, посвященной роли протестантского духовенства в общественно-политической жизни Пруссии, является монография Герхарда Графа «Образ Бога и политика. Исследование религиозности в Пруссии во время Освободительных войн 1813—1815 гг.», вышедшая в свет в 1993 г.¹³ Рассматриваемую тему, однако, можно вписать в более широкий дискурс, касающийся взаимодействия процессов модернизации и секуляризации в начале XIX в. Классическая теория модернизации, сформулированная в западной историографии в 1960—1970-е годы, подчеркивала постепенный упадок значения религии в жизни европейских стран как минимум с середины XVIII в., в результате чего возникло современное секуляризованное и рациональное общество. Сама религия рассматривалась историками-модернистами в качестве архаического реликта, характерного для традиционного общества¹⁴. С начала 1990-х годов начался постепенный пересмотр данных трактовок. Многие авторы, такие как Хайнц Шиллинг¹⁵ или Вольфганг Альтгельд, стали высказывать сомнения относительно «неизбежной секуляризации современного мира»¹⁶. В 2000 г. немецкий историк Олаф Блашке предложил

¹¹ *Bauer J.* Schleiermacher als patriotischer Prediger. Ein Beitrag zur Geschichte der nationalen Erhebung vor hundert Jahren. Gießen, 1908; *Wendland W.* Ludwig Ernst von Borowski, Erzbischof der evangelischen Kirche in Preußen. Ein Beitrag zur Geschichte der ostpreußischen Kirche im Zeitalter der Aufklärung. Königsberg in Preußen, 1910; *Idem.* Gottfried August Ludwig Hanstein als patriotischer Prediger in Berlin // *Jahrbuch für brandenburgische Kirchengeschichte*. 1915. № 12. S. 88—118; *Zscharnack L.* Die Pflege des religiösen Patriotismus durch die evangelische Geistlichkeit 1806—1815 // *Harnack-Ehrung. Beiträge zur Kirchengeschichte. Ihrem Lehrer Adolf von Harnack zu seinem siebenzigsten Geburtstage (7 Mai 1921) dargebracht von einer Reihe seiner Schüler*. Leipzig, 1921. S. 394—423; *Holl K.* Die Bedeutung der großen Kriege für das religiöse und kirchliche Leben innerhalb des deutschen Protestantismus (1917) // *Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. III. Der Westen*. Tübingen, 1928. S. 302—384.

¹² *Hoover A.J.* The Gospel of Nationalism. German Patriotic Preaching from Napoleon to Versailles. Stuttgart, 1986.

¹³ *Graf G.* Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813—1815. Göttingen, 1993.

¹⁴ *Graf F.W.* Die Nation — von Gott “erfunden”? Kritische Randnotizen zum Theologiebedarf der historischen Nationalismusforschung // “Gott mit uns”. Nation, Religion und Gewalt im 19. und frühen 20. Jahrhundert / hrsg. von G. Krumeich, H. Lehmann. Göttingen, 2000. S. 287—288.

¹⁵ *Schilling H.* Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit // *Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit* / hrsg. von B. Giesen. Frankfurt am Main, 1991. S. 195.

¹⁶ *Altgeld W.* Katholizismus, Protestantismus, Judentum: über religiös begründete Gegensätze und nationalreligiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus. Mainz, 1992. S. 20.

новый термин применительно ко всему XIX в. — «второе конфессиональное столетие», по аналогии с «первым конфессиональным столетием»¹⁷, т.е. периодом европейской истории между 1555 и 1648 гг. В своих статьях и монографиях Олаф Блашке неоднократно опровергал традиционный взгляд на постепенный упадок религиозного фактора в XVIII–XIX вв.¹⁸ Идеи Блашке нашли немало сторонников среди других исследователей, в частности, теолог и историк Церкви Фридрих Вильгельм Граф в многочисленных публикациях всячески подчеркивал тесную связь между религией и модернизацией в Новое время¹⁹. К числу наиболее видных противников теории секуляризации также относится британский историк Каллум Дж. Браун. В монографии 2006 г. под названием «Религия и общество в Британии XX века» Браун указывал на то, что, вопреки общепринятому мнению, секуляризация общественно-политической жизни в Великобритании началась не в 1750 г., а стремительно прошла лишь в 1950–1960-е годы²⁰. Применительно к процессам модернизации XVIII–XIX вв. историки и социологи сегодня все чаще говорят о «десекуляризации», «возвращении религии» или «религиозном ренессансе»²¹. В отечественной историографии особое внимание уделялось истории провинции Восточная Пруссия в эпоху Наполеоновских войн²², а также русско-прусскому сотрудничеству против Наполеона²³, однако вопрос о роли религии в военной мобилизации в Пруссии еще пока не поднимался.

Опираясь на дебаты о секуляризации, данная статья ставит своей целью продемонстрировать вклад протестантского духовенства в модернизацию военной системы Пруссии путем поддержки и пропаганды самой первой в прусской истории массовой мобилизации. Основной тезис исследования можно сформулировать следующим образом: всеобщая воинская повинность в Пруссии базировалась на религиозной аргументации, протестантскому духовенству отводилась ключевая роль в популяризации этой идеи среди населения. В этой связи представляется необходимым рассмотреть основные доводы, с помощью которых прусские священники оправдывали необходимость войны с Наполеоном и мотивировали свою паству принять в ней активное участие.

Во время Освободительных войн протестантская церковь в Пруссии находилась под юрисдикцией Секции культа и общественного образования, входившей в состав прусского министерства внутренних дел. В середине марта 1813 г. руководитель секции Георг Генрих Людвиг Николовиус обратился от имени короля ко всему прусскому духовенству с призывом поддержать правительство в войне с Наполеоном и принять активное участие в военной мобилизации населения²⁴. 21 марта 1813 г. Фридрих Вильгельм III издал указ об организации в Берлине праздничного богослужения, приуроченного к отправлению прусских войск на фронт, таким образом, начало войны с Наполеоном представало в глазах общественности как событие религиозного характера. 28 марта 1813 г. столичными пасторами был организован религиозный праздник, который сопровождался чтением молитв за здоровье прусского короля и его войска, а также патриотических проповедей, цель которых заключалась в том, чтобы морально подготовить население королевства

¹⁷ Blaschke O. Das 19. Jahrhundert: Ein Zweites Konfessionelles Zeitalter? // Geschichte und Gesellschaft. 2000. № 26. S. 38–75.

¹⁸ Blaschke O. Konfession im Konflikt. Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter. Göttingen, 2002. S. 13.

¹⁹ Graf F.W. Sakralisierung von Kriegen: Begriffs- und problemgeschichtliche Erwägungen // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 1–30.

²⁰ Brown C.J. Religion and Society in Twentieth-Century Britain. London, 2006. P. 11.

²¹ Pollack D. Säkularisierung — ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland. Tübingen, 2012. S. 1.

²² Панченко А.А. От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.

²³ Искюль С.Н. Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007.

²⁴ Nicolovius A. Denkschrift auf Georg Heinrich Ludwig Nicolovius. Bonn, 1841. S. 204–207.

к войне²⁵. В провинциях подобные праздничные богослужения, приуроченные к началу войны, состоялись 11 апреля 1813 г. Самые крупные сражения 1813 г. отмечались по всей Пруссии религиозно-патриотическими праздниками, которые организовывались местным духовенством. Многие проповеди были посвящены битвам при: Мёкерне (5 апреля), Гроссгёршене (2 мая), Бауцене (20–21 мая), Райхенбахе (22 мая), Гросберене (23 августа); на реке Кацбах (26 августа), при Кульме (29–30 августа), Денневице (6 сентября) и под Лейпцигом (16–19 октября). Даже такие не самые значительные события, как осада крепостей Штеттин, Торгау и Виттенберг, служили поводом для чтения патриотических проповедей²⁶. Кроме того, проповедники были обязаны мотивировать мужское боеспособное население вступать в ряды Ландвера и Ландштурма. Пасторы приводили к присяге солдат, освещали оружие и знамена, а некоторые из них, например Кристиан Вильгельм Шпикер из Франкфурта-на-Одере или Карл Август Кёлер из Наумбурга-на-Бобере, добровольно вступали в ряды вооруженных сил в качестве полковых священников, принимали непосредственное участие в сражениях против Наполеона. Многие проповедники активно участвовали в организации Ландштурма и вместе с рядовыми добровольцами учились обращаться с оружием, как это делал, к примеру, 45-летний теолог Фридрих Шлейермахер²⁷. Прусское духовенство организовывало сбор пожертвований, которые шли на вооружение и экипировку бойцов Ландвера, а также содержание детей и жен ушедших на фронт или погибших в бою солдат. Сборы от продаж печатных проповедей также шли на благотворительность. Тем самым прусские проповедники приняли активное участие в финансировании Освободительной войны против наполеоновского господства. По данным исследований Уте Планерт, в течение Освободительных войн через систему церковных пожертвований в Пруссии было собрано около 6,6 млн талеров²⁸.

Несмотря на широкий круг обязанностей, возложенных на протестантское духовенство в условиях военной мобилизации, главная задача пасторов заключалась в чтении проповедей. В рамках данного исследования были изучены 74 проповеди, принадлежавшие перу 21 прусского священника. К числу этих пасторов относятся как известные крупные теологи, проживавшие в больших городах (Фридрих Шлейермахер и Готтфрид Ханштайн из Берлина, Рулеманн Фридрих Эйлерт из Потсдама или Людвиг Боровски из Кёнигсберга), так и менее известные священники из маленьких городков и деревень: Томас Тиде из Райхенбаха (Силезия), Филипп Вильгельм Вольф из Цоссена, Людвиг Кёлер из Котбуса, Юстус Фердинанд Шульце из Фюрстенвальде (Бранденбург), Георг Вильгельм Мундт из Деммина (Померания) и др. Большая часть проповедей публиковалась пасторами в виде отдельных изданий. Также проповеди печатались в религиозной периодике, самым известным в Пруссии являлся «Общепользный журнал для проповедников в сельской местности и в маленьких городах», издателем которого был Раймунд Дапп, проповедник из деревушки Кляйн-Шёнебек недалеко от Берлина. «Общепользный журнал» издавался в 1805–1817 гг., всего вышло 8 томов²⁹. Последние тома (7 и 8) были изданы в 1814–1817 гг., они содержали немалое количество проповедей неизвестных священников из разных уголков Пруссии. Благодаря «Общепользному журналу» Даппа прусская и немецкая публика могла познакомиться с проповедями провинциальных и сельских пасторов, которые тем самым получали возможность донести свои идеи

²⁵ Jungklaus R. Wie die Ereignisse der Freiheitskriege zu ihrer Zeit in Berlin kirchlich gefeiert worden sind // *Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte*. 1914. № 11–12. S. 306.

²⁶ Wolf Ph. W. Predigt am Dankfeste wegen Eroberung der Festungen Stettin, Torgau und Wittenberg // *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten*. 1814. Bd. 7. № 2. S. 61–73.

²⁷ Wolfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schleiermachers politische Wirksamkeit. Teil 1. Berlin, 2004. S. 338.

²⁸ Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007. S. 487.

²⁹ *Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten* / hrsg. von Raymund Dapp. Bd. 1–8. Berlin; Stettin, 1805–1817.

до широкой общественности. В 1813–1816 гг. выходили в свет и целые сборники проповедей отдельных авторов, одним из самых крупных был труд Кристиана Вильгельма Шпикера «Молитвы, проповеди и речи, прочитанные в поле и дома во время восстания прусского народа против иностранной тирании»³⁰, опубликованный в 1816 г. Сборник содержал 18 проповедей и речей Шпикера, которые он читал в 1813 г., будучи военным полковым священником. Другой крупный сборник был опубликован Готтфридом Августом Ханштайном в 1815 г. под названием «Серьезное время»³¹. Он содержал 20 проповедей, прочитанных Ханштайном в Берлине в 1813–1814 гг. В отличие от многих политических листовок и памфлетов, издававшихся анонимно, проповеди печатались под именами своих авторов, очевидно, что проповедники не опасались прусской цензуры, которая в 1813–1814 гг. была достаточно жесткой и отсеивала немало публицистических сочинений. Вероятно, идеи, содержащиеся в протестантских проповедях, соответствовали идеологическому курсу прусского государства, поэтому легко проходили цензуру.

Проповеди прусских протестантских пасторов можно считать политическими, если пользоваться определением немецкого теолога Мартина Хонеккера, который понимал под политической проповедью «не политизирующую проповедь, т.е. проповедь, которая преследует собственные политические цели, а любую проповедь, в основу которой осознанно заложен тот или иной политический или социальный контекст»³². Проповеди, прочитанные прусскими священниками в 1813 г., были посвящены победам прусских и союзных войск в тех или иных сражениях против Наполеона, а также таким темам, как приведение к присяге бойцов Ландвера, освящение боевых знамен прусской армии, осада и взятие захваченных врагом крепостей и городов, в связи с чем становится очевидным, что социально-политический контекст был неизбежен. Можно выделить три основные цели, которые преследовали священники, читая и публикуя военно-патриотические проповеди. Во-первых, нужно было добиться того, чтобы население королевства ассоциировало себя с теми целями, которые в войне против Наполеона ставило перед собой прусское правительство. Во-вторых, требовалось поддерживать в населении высокий боевой дух и в особенности готовность нести материальные жертвы ради победы над врагом. В-третьих, было необходимо мотивировать мужчин вступать в ряды вооруженных сил и сражаться с противником на поле боя. Таким образом, протестантские проповедники играли ключевую роль в государственно-патриотической пропаганде.

Практически каждый пастор начинал свою проповедь с напоминания о тяжелом поражении Пруссии в войне Четвертой коалиции 1806–1807 гг. Упоминался в проповедях и Тильзитский мир 1807 г., который рассматривался священниками как унижительный и несправедливый договор, навязанный Пруссии Наполеоном. «Мир нанес нам еще более глубокие раны, чем война» — эту точку зрения, высказанную кёнигсбергским проповедником Иоганном Вильгельмом Эбелем в апреле 1813 г.³³, разделяло все прусское духовенство. Схожую оценку Тильзитскому договору давал и померанский пастор Георг Мундт в проповеди от 11 апреля 1813 г.: «Наступил мир, и мы надеялись, что он станет для нас благословением. Но он оказался еще более пагубным, чем война. Половина нашего Отечества, верные, благодарные, цветущие провинции были отобраны. Враг остался в стране, захватив все наши крепости. Требования, которые он предъявлял нам, становились все более тяжкими, наши повинности все более непосильными»³⁴. Не менее

³⁰ *Spieker C.W.* Gebete, Predigten und Reden: Zur Zeit der Erhebung des Preussischen Volks gegen die Tirannei des Auslandes, im Felde und in der Heimath gehalten. Berlin, 1816.

³¹ *Hanstein G.A.L.* Die ernste Zeit. Magdeburg, 1815.

³² *Honecker M.* Evangelische Christenheit in Politik, Gesellschaft und Staat. Orientierungsversuche. Berlin, 1998. S. 37.

³³ *Ebel J.W.* Die Weisheit von oben her. Königsberg, 1823. S. 250.

³⁴ *Mundt G.W.* Einige Reden und Predigten bei wichtigen Veranlassungen des Krieges gehalten. Zur dankbaren Erinnerung an Deutschlands Errettung und zur Unterstützung der Wittwen und Waisen seiner Erretter. Halle und Berlin, 1816. S. 5.

резко высказывался капеллан Шпикер: «Мы думали, что к нам вернутся спокойствие и мир, но это было спокойствие могил, это был мир рабов»³⁵. Бранденбургский суперинтендант Юстус Фердинанд Шульце приходил в своей проповеди от 28 марта 1813 г. к парадоксальному выводу: война была предпочтительнее миру, так как мир для проповедника ассоциировался с такими понятиями, как «иго», «рабские цепи» и «тирания», в то время как война означала свободу и независимость. Свое обращение к жителям Фюрстенвальде пастор начинал следующими словами: «Сегодня я проповедую вам не мир, а войну, потому что хотеть сейчас мир — значит хотеть плохое и злое, а хотеть войну — означает хотеть хорошее и справедливое»³⁶. Многие прусские пасторы понимали необычность ситуации, когда они, служители религиозного культа, противники насилия, были вынуждены проповедовать войну. Это осознавал и суперинтендант Филипп Вильгельм Вольф, который в проповеди, посвященной приведению к присяге бойцов Ландвера города Цоссен, открыто ставил вопрос: «Я стою перед вами на алтаре любви и мира. Имею ли я право вопреки убеждениям моего сердца вдохновлять вас на войну?» Вольф утвердительно отвечал на свой вопрос: «Да, я имею полное право! Даже сам Иисус, кроткий и смиренный, говорил апостолам незадолго до своей смерти: “А у кого нет, продай одежду свою и купи меч” (Лк.22:36)»³⁷. Не забывали проповедники сослаться и на знаменитый 34 стих 10 главы Евангелия от Матфея: «Не думайте, что Я пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч». Упомянувший выше пастор Эбель делал на его основе следующий вывод: «Итак, иногда бывают такие обстоятельства, когда мир является губительным, борьба и война же могут быть спасительными и полезными»³⁸. Опираясь на Священное Писание, проповедники стремились убедить население Пруссии в том, что мир с наполеоновской Францией является губительным и позорным, война с ней — богоугодной и священной.

Первым шагом к войне с Наполеоном стало его поражение в России в 1812 г. В прусской религиозно-патриотической литературе 1813 г. давалась однозначная оценка этому событию: поражение Наполеона в России было делом рук не человека, но Бога, настолько внезапно и неожиданно оно было. Военный проповедник Карл Август Кёлер вопрошал в проповеди от 28 марта 1813 года: «Кто разбил это гордое полумиллионное войско, которое во всем своем великолепии и величии радостно и гордо спешило к уверенной победе?» Кёлер без сомнений отвечал на этот вопрос: «Не люди разбили это войско, но сам Господь»³⁹. В этом же были уверены пасторы Людвиг Боровски, Готтфрид Ханштайн и Фридрих Эренберг, которые утверждали, что Бог наслал на Наполеона своих ангелов — ветер, пламя, мороз, голод и болезни, которые стерли в один миг Великую армию с лица земли⁴⁰. Стало это возможным благодаря религиозности и богобоязненности русского народа, который разбил врага одной лишь верой в помощь Всевышнего. «Тот, кто считал себя непобедимым, разбился об эту скалу твердой воли и был предан Божьему суду, — такую оценку поражению Наполеона в России давал пастор Георг Мундт. — Его армия разбойников была растоптана, почти полностью уничтожена, Россия спасена, началось освобождение нашей страны и всей Европы»⁴¹. Проповедники призывали последовать примеру русского народа и превратить войну с Наполеоном в национально-религиозную.

³⁵ *Spieker C.W.* Op. cit. S. 55.

³⁶ *Schulze J.F.* Predigt am Tage des Ausmarsches der vaterländischen Krieger, den 28ten März 1813 // *Gemeinnütziges Magazin*. Bd. 8. S. 41.

³⁷ *Wolf Ph. W.* Anrede und Gebete bei Einweihung der Landwehr des Teltowschen Kreises. Am Grünen Donnerstage 1813 in Zossen gesprochen // *Gemeinnütziges Magazin*. 1814. Bd. 7. № 1. S. 44.

³⁸ *Ebel J.W.* Op. cit. S. 238.

³⁹ *Köhler K.A.* Welche Pflichten fordert die hochwichtige Zeit von uns? Predigt am Sonntage Lätäre, den 28. März 1813, über Jesaias Kap. 7, 10—16 gehalten und zum Besten der unvermögenden freiwilligen Verteidiger des Vaterlandes dem Drucke übergeben. Berlin, 1813. S. 9.

⁴⁰ *Ehrenberg F.* Das Volk und seine Fürsten, Volkswesen und Volksinn. Leipzig, 1815. S. 285; *Hanstein G.A.L.* Op. cit. S. 125; *Borowski L.E.* Königsberger patriotische Predigten aus den Jahren 1806 bis 1816 / hrsg. von A. Uckeley. Königsberg in Preußen, 1913. S. 117.

⁴¹ *Mundt G.W.* Op. cit. S. 31.

Как отмечают многие исследователи, в частности Герхард Граф, русская религиозная традиция оказала большое влияние на прусскую протестантскую церковь в период Освободительных войн⁴². Сам король Фридрих Вильгельм III с уважением относился к ритуалам Русской православной церкви и стремился перенести некоторые из них на прусскую почву. Пример России в определенной степени способствовал религиозно-патриотическому подъему в Пруссии в 1813 г.

Конфликт с Наполеоном неизбежно ставил прусских пасторов перед вопросом: какие войны являются несправедливыми, пагубными, а какие — справедливыми, оправданными? Войны, которые вел Наполеон, относились к первой категории. В проповедях Наполеон представлялся как тиран, узурпатор, поработитель и угнетатель народов, «душитель человечества»⁴³, ведомый своими пороками. Проповедники обращались к библейским аллегориям и сравнивали Наполеона с Навуходоносором⁴⁴ или Иродом⁴⁵, ибо точно так же, как и древние тираны, французский император был готов пойти на любые преступления в угоду своим неограниченным амбициям. Захватнические войны, ведомые Наполеоном ради земных, материальных ценностей, изображались в проповедях как предосудительные, недостойные, неугодные Богу. Война против Наполеона, наоборот, преподносилась как справедливая, богоугодная, ибо она велась ради высших, нематериальных ценностей. Прусские священники выделяли две категории таких ценностей: общечеловеческие и национально-патриотические. Бонапарт представлялся не только как враг России или Пруссии, но как враг всей Европы, всего человечества, как «враг любого порядка и любого мира», «всеобщий враг всех наций»⁴⁶. По мнению пастора Филиппа Вольфа, мотивы французского императора были порочны и преступны, он вел войны «из жажды наживы, кровожадности, желания поработить невинные народы»⁴⁷. Капеллан Шпикер проповедовал о войне против «всемирной тирании» Наполеона⁴⁸, в то время как проповедник Фридрих Эренберг утверждал, что конфликт с Францией есть не что иное как «борьба за царство божье, против царства тьмы»⁴⁹. По мнению Георга Мундта, Наполеон хотел «стать правителем и повелителем всего мира, построить свой ужасный трон на развалинах и трупах»⁵⁰. Войну во имя спасения общечеловеческих ценностей — справедливости, порядка, права, свободы — берлинский пастор Готтфрид Ханштайн также считал оправданной и священной⁵¹.

К категории высшего, духовного порядка проповедники относили и национально-патриотические ценности. Война ради свободы и независимости своего народа, своего Отечества преподносилась в проповедях как справедливая, оправданная и даже обязательная для каждого жителя государства. Духовенство исходило из идеи о том, что как границы, так и особенности каждой нации были установлены самим Богом, именно этот божественный порядок был грубо нарушен французами, как утверждал капеллан Шпикер, за что они и были сурово наказаны Господом⁵². Если границы, язык, культура, нравы и обычаи каждой нации даны ей Богом, то их защита автоматически является делом праведным и священным — именно такую мысль внушали прусские пасторы ополченцам Ландвера и Ландштурма, когда приводили их к присяге. Однако о какой нации говорили

⁴² Graf G. Op. cit. S. 12, 17–18.

⁴³ Spieker C.W. Op. cit. S. 101.

⁴⁴ Mundi G.W. Op. cit. S. 3.

⁴⁵ Marheinecke Ph. Predigten, vor verschiedenen Gemeinden zu Berlin gehalten. Berlin, 1814. S. 11.

⁴⁶ Nicolai C.F.F. Rede bei der Eidesleistung des Züllichauschen Landsturms // Gemeinnütziges Magazin... 1814. Bd. 7. № 1. S. 57.

⁴⁷ Wolf Ph. W. Anrede und Gebete... S. 47.

⁴⁸ Spieker C.W. Op. cit. S. 114.

⁴⁹ Ehrenberg F. Op. cit. S. 277.

⁵⁰ Mundi G.W. Op. cit. S. 38.

⁵¹ Hanstein G.A.L. Op. cit. S. 20.

⁵² Spieker C.W. Op. cit. S. 11.

священники — немецкой или прусской? С одной стороны, понятия «немецкий» и «Германия» достаточно часто встречаются в проповедях. В качестве высших ценностей, требующих защиты от врага, выступали немецкий язык⁵³, немецкая кровь⁵⁴, немецкие добродетели, такие как верность, религиозность и честность⁵⁵. Пастор Карл Август Кёлер проповедовал о «священной немецкой земле», попранной врагом, причину же бедственного положения Германии он видел в разобщенности немецкой нации: «Мы называли себя пруссаками, австрийцами, саксонцами и совершенно забыли, что мы немцы, объединенные одним именем, одним языком, одним характером»⁵⁶. Встречается в проповедях и понятие «немецкое Отечество»⁵⁷, что свидетельствует о наличии у прусских пасторов определенных представлений о неких общенемецких национальных ценностях, ради которых ведется война с Наполеоном.

С другой стороны, рассматриваемые проповеди полны отсылок к прусскому локальному патриотизму, коих гораздо больше, чем отсылок к немецкой национальной идее. К примеру, придворный проповедник из бранденбургского Ораниенбурга Иоганн Вильгельм Пфайффер вкладывал двойной смысл в понятие «Отечество»: в широком — это вся Германия, где живут люди, говорящие на одном языке, исповедующие одну (христианскую) религию, обладающие одинаковыми чертами характера; в узком же смысле — это конкретно Пруссия, население которой хоть и является частью немецкой нации, но все же обладает некоторыми специфическими особенностями⁵⁸. Пфайффер призывал сограждан любить в первую очередь свое прусское Отечество, ибо только в нем, а не во всей Германии в целом, пруссаки обладали определенными правами и свободами. В качестве наиболее важных особенностей прусского государственного устройства проповедник выделял справедливость законов, свободу слова и совести. По утверждению Пфайффера, подданные прусского короля были «самыми свободными людьми» во всей Европе⁵⁹. На свободу мысли и слова как исключительную черту прусского государства указывал также и кёнигсбергский пастор Людвиг Эрнст Боровски, который, кроме того, подчеркивал глубокую религиозность пруссаков⁶⁰. Тот же пастор Кёлер, призывавший к единству всех немецких народов, одновременно проповедовал об особенностях пруссаков, выделяя преданность королю и династии в качестве самой яркой черты прусского национального характера⁶¹. Об этом же говорил в своей проповеди 1813 г. придворный проповедник Вильгельм Леонхард Криге, который относил «верность и безоговорочную преданность королю и Отечеству» к отличительной особенности прусской нации⁶². Пасторы обращались и к образам прусских национальных героев, самой главной фигурой здесь, конечно, выступал король Фридрих II Великий, имя которого упоминается практически в каждой патриотической проповеди 1813 г. Неустанные напоминания о победах Фридриха в Семилетней войне были призваны мотивировать солдат Ландвера на новые подвиги во имя славы и величия Пруссии. «Мы — народ Фридриха, под его командованием наши отцы победили всю Европу», — проповедовал пастор Кёлер⁶³. С именем Фридриха Великого священник Людвиг Август Кёлер связывал такие понятия, как «национальная честь»

⁵³ Mundt G.W. Op. cit. S. 30.

⁵⁴ Nicolai C.F.F. Op. cit. S. 56.

⁵⁵ Spieker C.W. Op. cit. S. 75.

⁵⁶ Köhler K.A. Op. cit. S. 6.

⁵⁷ Kriege W.L. Wann soll unser Glaube groß seyn? Ein Wort für Christen, insonderheit an mein Preussisches Vaterland und die jungen Krieger und Vertheidiger desselben, zur Zeit der Gefahr, in einer Predigt am Sonntage Reminiscere. d. 14ten März d. J. gehalten. Berlin, 1813. S. 20.

⁵⁸ Pfeiffer J.W. Erweckung zur Vaterlandsliebe. Eine Rede vor dem Abgang der zur Vertheidigung des Vaterlands eilenden Jünglinge. Berlin, 1813. S. 7.

⁵⁹ Ibid. S. 10.

⁶⁰ Borowski L.E. Op. cit. S. 115.

⁶¹ Köhler K.A. Op. cit. S. 13.

⁶² Kriege W.L. Op. cit. S. 4.

⁶³ Köhler K.A. Op. cit. S. 13.

и «национальная слава» Пруссии, ради которых жители королевства вновь идут на войну против французов, как это было в годы Семилетней войны⁶⁴. В проповеди от 11 апреля 1813 г. Самуэль Фридрих Штарке говорил о том, что Фридрих II является «собственностью нашего народа и славой нашей страны». По мнению Штарке, Фридрих «прославил имя Пруссии вплоть до конца света»⁶⁵.

Вспоминая о подвигах Фридриха Великого, пасторы не забывали и о действующем короле, Фридрихе Вильгельме III. Тема верности и лояльности подданных по отношению к монарху также являлась одной из основных практически во всех проповедях. Дабы укрепить лояльность пруссаков к главе государства, проповедники создавали картину полного единодушия короля и его подданных, единства трона и народа. Пастор Фридрих Эренберг утверждал: «Король призвал к борьбе, которую так громко требует голос нации»⁶⁶. В этом же духе проповедовал и пастор Мундт в начале апреля 1813 г.: «Будучи верными, благодарными подданными лучшего короля, который любит нас как отец и заботится о нас, мы хотим окружить его трон прочной стеной, мы желаем четко исполнять все его приказы, поддерживать всеми силами любое его распоряжение»⁶⁷. Пруссия в проповедях зачастую изображалась как одна большая семья, которой управляет мудрый и любящий король-отец. Проповедник Карл Николаи приравнивал нежелание сражаться за Отечество и короля не просто к предательству и измене, а к отцеубийству⁶⁸. Пастор Шпикер исключал любую возможность предательства со стороны пруссаков по отношению к монарху и проповедовал весной 1813 г.: «Самым тесным образом мы связаны с нашим королем. Он наш отец, он доверяет нам, поэтому мы хотим сражаться за него до последнего удара пульса»⁶⁹. С подобным призывом обращался к своей пастве и проповедник Штарке: «Объединитесь вокруг вашего короля, вашего исконного, доброго и благочестивого правителя! Его дело — это наше дело. Сражаясь за него, вы сражаетесь за самих себя»⁷⁰. Как отмечал историк Отто Данн, в годы Освободительных войн в немецких государствах, в частности в Пруссии, сложился устойчивый миф о единстве правителя и народа как основе нации⁷¹. Очевидно, что протестантское духовенство внесло немалый вклад в формирование этого мифа. Необходимо лишь подчеркнуть, что в данном случае под «нацией» и «Отечеством» понималась не вся Германия, а именно Пруссия. Как можно было убедиться, в проповедях прусских пасторов нашел свое отражение некий синтез немецкой национальной идеи и прусского локального религиозно-монархического патриотизма с явным доминированием последнего.

Как уже упоминалось выше, прусские пасторы преподносили войну против Наполеона как богоугодную и священную, т.е. обязательную для каждого христианина. Немецкий историк Ганс-Кристоф Краузе в своей статье 2008 г., посвященной революционным и наполеоновским войнам, утверждал, что их действительно можно рассматривать в качестве священных, но не в прямом, а в переносном смысле. Под «священными» войнами Краузе понимал такие конфликты, которые велись ради некой высшей ценности, необязательно религиозной по своей сути, но обязательно универсальной и признаваемой всеми. Краузе полагал, что такой ценностью в войнах 1792–1815 гг. являлась свобода, как бы она ни

⁶⁴ Kähler L.A. Geschichte von Kottbuß, während der Jahre 1813–1814, nebst einer Auswahl in dieser Zeit über die politischen Ereignisse gehaltner Predigten. Kottbuß, 1814. S. 148.

⁶⁵ Starke S.F. Gott ist den glaubenden Völkern nahe, und der Vertrauenden Schutz und Hilfe. Predigt, am Sonntage Palmarum, den 11ten April 1813 gehalten von dem jüngeren Oberprediger Starke zu Driesen. Berlin, 1813. S. 9.

⁶⁶ Ehrenberg F. Op. cit. S. 265.

⁶⁷ Mundt G.W. Op. cit. S. 11.

⁶⁸ Nicolai C.F.F. Op. cit. S. 52.

⁶⁹ Spieker C.W. Op. cit. S. 109.

⁷⁰ Starke S.F. Op. cit. S. 12.

⁷¹ Dann O. Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. München, 1994. S. 71.

понималась, — политическая или национальная⁷². В своих умозаключениях Краузе опирался на светских публицистов и писателей, однако можно сказать, что проповеди протестантских пасторов также подтверждают его концепцию. Прусские священники имели четкое представление о свободе как высшей ценности, ради которой ведется война против Бонапарта, будь это свобода всего человечества от наполеоновской тирании, будь это национальная свобода Пруссии/Германии. В этом духе, к примеру, проповедовал весной 1813 г. пастор Карл Август Кёлер: «Любая война за независимость — это священная война, которую мы, будучи христианами, должны вести мужественно и доблестно, чтобы вернуть нашу главную святыню — свободу»⁷³. Войну «ради неограниченной свободы» считал священной и берлинский проповедник Готтфрид Ханштайн⁷⁴. Кёнигсбергский пастор Иоганн Вильгельм Эбель считал священной войной ту, которая велась ради таких целей, как «свобода совести», «свобода мысли», «независимость от иноземного деспотизма» и «неотъемлемые человеческие права»⁷⁵. Еще дальше шел капеллан Шпикер, который объявлял войну против Наполеона освободительным крестовым походом во имя независимости Пруссии и всей Европы⁷⁶. Чтобы сделать концепцию священной войны более убедительной и приемлемой для населения Пруссии, пасторы пытались найти исторические аналоги, которые должны были служить вдохновляющим примером для пруссаков. Так, Георг Мундт считал справедливой войной конфликт израильского царя Давида с аммонитянами, более того, померанский проповедник полагал, что именно в этот период появилось первое в истории народное ополчение⁷⁷. К ветхозаветным временам отсылал пруссаков и Готтфрид Ханштайн, который утверждал, что война царя Давида с его мятежным сыном Авессаломом также была священной⁷⁸. В проповедях можно найти отсылки и к другим историческим деятелям, которые также вели священные, богоугодные войны (Мартин Лютер, Густав II Адольф)⁷⁹. Даже Фридрих II Великий, известный своим безразличием к религии, граничащим с атеизмом, преподносился в проповедях как истинный христианин, чьи войны велись во имя религии, Бога и свободы Пруссии⁸⁰.

Центральное место в концепте священной войны занимал Бог. Всевышний представлялся на страницах проповедей не просто как самостоятельная личность, но как воин, предводитель небесного воинства, не случайно прусские проповедники нередко именовали Господа титулом Саваоф⁸¹, намекая на его воинственность. В трактовке пасторов Бог выступал как инициатор войны против Наполеона и как предводитель всех антинаполеоновских сил, к которым должны были примкнуть и пруссаки. Господь внимательно наблюдал за тем, как Пруссия вооружается и готовится к войне против Франции, а также незримо присутствовал во время приведения к присяге бойцов Ландвера и Ландштурма, о чем пасторы неустанно напоминали последним. Прусским солдатам были обещаны и посмертное воздаяние в случае героической гибели на поле боя, и вечные муки ада в случае нарушения данной ими присяги⁸². Представление о том, что Господь лично сражается на стороне пруссаков, также нашло свое выражение в популярных формулах, кочующих

⁷² Krause H.-C. *Freiheitskriege als heilige Kriege. 1792–1815 // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich* / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 196–197.

⁷³ Köhler K.A. Op. cit. S. 12.

⁷⁴ Hanstein G.L.A. Op. cit. S. 20.

⁷⁵ Ebel J.W. Op. cit. S. 246.

⁷⁶ Spieker C.W. Op. cit. S. 63.

⁷⁷ Mundt G.W. Op. cit. S. 15.

⁷⁸ Hanstein G.A.L. Op. cit. S. 18.

⁷⁹ *Gemeinnütziges Magazin...* 1814. Bd. 7. № 2. S. 37.

⁸⁰ Tiede T. *Zwei Predigten*. Heidelberg, 1814. S. 18.

⁸¹ Borowski L.E. Op. cit. S. 117; Tiede T. Op. cit. S. 7.

⁸² Kohli J. *Anrede an die Landsturm-Mannschaft des Tammendorfer Bezirkes vor der Vereidigung derselben* // *Gemeinnütziges Magazin...* Bd. 7. № 2. S. 34.

из проповеди в проповедь, к примеру, таких как «С нами Бог»⁸³, «С Богом за короля и Отечество»⁸⁴, «С Богом мы великое свершим»⁸⁵. Непрерывная связь пруссаков с Господом находила свое выражение и в различных символических действиях, таких как регулярное посещение церкви, чтение молитв, организация дней покаяния и религиозных богослужений в честь одержанных над врагом побед. Религиозность объявлялась национальной чертой пруссаков, в то время как французы изображались в проповедях безбожниками и богохульниками⁸⁶. Подчеркивая связь Пруссии с Богом, капеллан Карл Август Кёлер обращался к прусским солдатам весной 1813 г. со следующими словами: «В суматохе войны не забывайте о великом Боге. Пусть мысль о Нем ведет вас в бой, пусть ваши уста восхваляют Его, когда вы одержите победу над врагом, ибо только Господь дает победу. Перед тем, как ввязаться в бой, наши отцы всегда проводили богослужения; святой библейский текст, духовная песня под открытым небом вдохновляла их, наполняла их душу мужеством и придавала сил для свершения великих и благородных поступков. Не нарушайте этой прекрасной богоугодной традиции, и тогда вы будете непобедимы»⁸⁷. Военная мобилизация в Пруссии в 1813 г., таким образом, шла рука об руку с интенсификацией религиозности, которая поддерживалась государством через проповеди протестантских пасторов.

Священная война означала, что от населения Пруссии требовалась постоянная готовность нести жертвы во имя победы. Более того, в проповедях даже можно наблюдать некоторые элементы тотальной, экзистенциальной войны ради выживания политического коллектива. В историографии эпоха Революционных и Наполеоновских войн зачастую рассматривается как первый в истории человечества опыт тотальной войны. Эта концепция была впервые сформулирована американским историком Дэвидом Беллом⁸⁸, ее придерживаются такие авторы, как Марк Хьюитсон⁸⁹ и Карен Хагеманн⁹⁰. Немецкий военный историк Дирк Вальтер также полагает, что в 1813 г. Пруссия как никогда до этого была близка к тотальной, абсолютной войне⁹¹. Прусское протестантское духовенство можно вполне обоснованно считать главным пропагандистом такой войны. Многими пасторами позитивно оценивался опыт испанцев, тирольцев и русских, которые применяли тактику выжженной земли с целью изнурить противника: «благородные жители Тироля поставили все на карту ради короля и Отечества, мужественные верные испанцы предпочли превратить свою страну в пустыню, чем заключить с врагом позорный мир и признать чужеземца своим правителем, великая русская нация предпочла разрушить тысячи деревень и поджечь старинный знаменитый город царей, но тем самым удалось выгнать врага из страны. Смотрите на эти примеры и следуйте им, потому что отставать от этих народов было бы для нас стыдно и позорно»⁹². Так проповедовал в марте 1813 г. Карл Август Кёлер. Следовать тактике выжженной земли по примеру испанцев и русских призывал также пастор Кристиан Вильгельм Шпикер⁹³. Позитивно проповедниками оценивалось введение всеобщей воинской повинности, чего еще с 1806 г. добивались прус-

⁸³ *Schulze J.F.* Op. cit. S. 46.

⁸⁴ *Ebel J.W.* Op. cit. S. 258.

⁸⁵ *Tiede T.* Op. cit. S. 7.

⁸⁶ *Mundt G.W.* Op. cit. S. 21.

⁸⁷ *Köhler K.A.* Op. cit. S. 15.

⁸⁸ *Bell D.* *The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it.* Boston, 2007. P. 9.

⁸⁹ *Hewitson M.* *Absolute War. Violence and Mass Warfare in the German Lands, 1792–1820.* Oxford, 2017. P. 246.

⁹⁰ *Hagemann K.* *Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung.* Paderborn, 2019. S. 11.

⁹¹ *Walter D.* Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // *Conscription in the Napoleonic Era. A Revolution in Military Affairs?* / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 38.

⁹² *Köhler K.A.* Op. cit. S. 7.

⁹³ *Spieker C.W.* Op. cit. S. 127.

ские военные реформаторы. Ярким сторонником всенародной мобилизации был теолог Фридрих Шлейермахер, который в проповеди от 28 марта 1813 г. высказывал свое удовлетворение относительно того, что благодаря организации Ландвера пропасть, отделявшая армию и общество, наконец была преодолена. Знаменитый теолог заключал: «Каждый имеет право проявить свое мужество, каждый должен уметь пользоваться оружием»⁹⁴. В этом же смысле проповедовал пастор Филипп Вильгельм Вольф: «Страна в опасности. Страна должна защищаться. Ландвер должен быть! Мы должны продать нашу одежду, чтобы купить мечи. Каждый, кому позволяют возраст и силы и чье присутствие не столь необходимо дома, обязан отправиться на войну для спасения и избавления Отечества!»⁹⁵. Прусские пасторы своими проповедями активно поддерживали массовую мобилизацию всего боеспособного мужского населения, при этом, в отличие от французской концепции *leveé en masse*, она шла под религиозными и монархическими лозунгами.

Мобилизация касалась не только тех, кто отправлялся на фронт, но и тех, кто оставался дома. Для финансирования войны против Наполеона требовались дополнительные средства, поэтому через проповедников государство обращалось к населению с требованием жертвовать деньги, украшения и прочие материальные блага ради общего дела. По этой причине в проповедях часто звучали призывы приносить посильные и непосильные жертвы во имя спасения Отечества. Пастор Карл Август Кёлер обращался к своим согражданам с безапелляционным требованием: «Отдавайте все свои ценности, какие у вас только остались. Сейчас не время проявлять тщеславие и обвешивать себя драгоценностями, более того, носить украшения, в которых так нуждается Отечество, — это стыд и позор»⁹⁶. Пастор Иоганн Вильгельм Эбель призывал жителей Кёнигсберга в апреле 1813 г.: «Приносите добровольно и с радостью большие жертвы. Отрекитесь от тщеславия, роскоши, дорогостоящих увеселений, которые и без того портят душу; задумайтесь над тем, что настоящее украшение человека состоит не в золотых подвесках и дорогих платьях, ибо вечной жизни мы достигнем лишь в том случае, если будем опираться на дух, а не на плоть»⁹⁷. Пасторы не стеснялись переходить и к угрозам, как, например, это делал проповедник Людвиг Август Кёлер из Котбуса, который утверждал: «Кто ценит золото превыше всего, тот пусть оберегает его как зеницу ока, но пусть тогда такой человек потеряет всякие права на защиту и пусть не смеет больше никогда называть себя гражданином Отечества!»⁹⁸.

По сути прусские пасторы требовали превращения королевства в единый военный лагерь, в котором каждый чем-то жертвует ради спасения политического коллектива — жизнью или имуществом, в связи с чем можно утверждать, что по крайней мере в данном аспекте духовенство проповедовало тотальную войну. Именно такую картину описывал в одной из проповедей Кристиан Вильгельм Шпикер летом 1813 г.: «Крестьянин бросает свой плуг, ремесленник — мастерскую, художник — свои тихие, мирные покои, судья — судебное заседание, учитель — свою кафедру, ученик — лекционный зал. Все вспыхнули страстной любовью к Отечеству, живут и трудятся только ради его блага»⁹⁹. Всеобщая мобилизация при этом касалась не только прусских мужчин, но и женщин. К примеру, силезский пастор Томас Тиде так описывал ситуацию в провинции накануне и после сражения под Лейпцигом в октябре 1813 г.: «Наши жены и дочери основывают патриотические объединения, жертвуют свои драгоценности, серьги, обручальные кольца, ожерелья и памятные безделушки; они вяжут носки, изготавливают бинты, работают в лазаретах, ухаживают за ранеными и больными. Охваченные энтузиазмом, они отрекаются от

⁹⁴ *Schleiermacher F.* Am 28sten März 1813 // Friedrich Schleiermacher's literarischer Nachlaß. Predigten. Bd. 4. Berlin, 1837. S. 44.

⁹⁵ *Wolf Ph. W.* Anrede und Gebete... S. 46.

⁹⁶ *Köhler K.A.* Op. cit. S. 10.

⁹⁷ *Ebel J.W.S.* Op. cit. S. 256.

⁹⁸ *Kähler L.A.* Op. cit. S. 178.

⁹⁹ *Spieker C.W.* Op. cit. S. 80.

своего имени и своего пола, переодеваются в мужскую униформу и берутся за оружие»¹⁰⁰. Через проповеди, таким образом, пропагандировалась подлинно всенародная, национальная, тотальная война против Наполеона, в которой участвовали все слои населения Пруссии, независимо от социального происхождения и пола.

Достаточно трудно оценить влияние патриотических проповедей на прусское общественное мнение. В данном случае в распоряжении имеются лишь косвенные свидетельства. Можно предположить, что активная публицистическая деятельность протестантского духовенства, его участие в организации многочисленных религиозно-патриотических праздников, деятельности Ландштурма и Ландвера не могли пройти бесследно. Религиозная аргументация активно заимствовалась светскими авторами, самым ярким примером, без сомнений, может служить публицистика Эрнста Морица Арндта¹⁰¹, христианские мотивы звучат и в патриотической лирике¹⁰². Религиозно-патриотическая мобилизация, судя по всему, была расценена прусским правительством как удачная, так как она была распространена в том числе и на военные кампании 1814–1815 гг. Праздничные богослужения устраивались в честь взятия Парижа в 1814 г. и окончательной победы над Наполеоном в битве при Ватерлоо в 1815 г., в июле 1816 г. был организован День поминовения павших в сражениях прусских солдат, который также отмечался в религиозном духе и сопровождался чтением патриотических проповедей¹⁰³. Влияние протестантского духовенства на общественно-политическую жизнь резко возросло, многие священники были награждены медалями, орденами, высокими должностями, а наиболее видным проповедникам Фридрих Вильгельм III даже предоставил нехарактерные для протестантизма титулы епископов и архиепископов¹⁰⁴. Освободительные войны во многом ускорили процесс объединения лютеранской и кальвинистской конфессий, в результате чего в 1817 г. возникла унифицированная прусская государственная церковь¹⁰⁵. Протестантское духовенство вновь мобилизовалось прусским государством во время войны с Австрией в 1866 г.¹⁰⁶ и Францией в 1870–1871 гг.¹⁰⁷ Наконец, в годы Первой мировой войны возникло особо агрессивное течение протестантизма, которое было охвачено идеями борьбы и военного противостояния¹⁰⁸. Корни этого «военного протестантизма» без сомнений уходят в эпоху Освободительных войн. В 1813 г. Пруссия получила бесценный опыт организации военно-патриотической мобилизации населения, который применялся на протяжении всего XIX в., и протестантское духовенство сыграло важную роль в этом процессе.

Пример массовой мобилизации в Пруссии во время Освободительной войны 1813 г. наглядно демонстрирует важность религиозной риторики для легитимизации военных конфликтов в Европе в начале XIX в. Идея всеобщей воинской повинности, современная по своей сути, популяризовалась в Пруссии с помощью традиционной патриотической

¹⁰⁰ Tiede T. Op. cit. S. 17.

¹⁰¹ Ott G. Ernst Moritz Arndt. Religion, Christentum und Kirche in der Entwicklung des deutschen Publizisten und Patrioten. Düsseldorf, 1966. P. 197–229.

¹⁰² Zimmer H. Auf dem Altar des Vaterlandes. Religion und Patriotismus in der deutschen Kriegslyrik des 19. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1971.

¹⁰³ Jungklans R. Op. cit. S. 327.

¹⁰⁴ Bigler R.M. The Rise of Political Protestantism in Nineteenth Century Germany: The Awakening of Political Consciousness and the Beginning of Political Activity in the Protestant Clergy of Pre-March Prussia // Church History. 1965. № 34. P. 434.

¹⁰⁵ Evangelische Kirche der preußischen Union 1817–2003: ein Bild- und Textband / hrsg. von I. Gundermann, D. Meyer, H. Sander, C. Drese. Berlin, 2013. S. 11.

¹⁰⁶ Besier G. Preussische Kirchenpolitik in der Bismarckära. Die Diskussion in Staat und Evangelischer Kirche um eine Neuordnung der kirchlichen Verhältnisse Preußens. Berlin, 1980. S. 43–44.

¹⁰⁷ Braun H.-J. Die Haltung der christlichen Kirchen zum Krieg, dargestellt am Beispiel rheinischer Diözesen und Landeskirchen. Ein Vergleich // Die Kirchen in den deutsch-französischen Beziehungen. Vom Alten Reich bis zur Gegenwart / hrsg. von A. Linsenmann, I. Dingel. Göttingen, 2018. S. 79–80.

¹⁰⁸ Bergen D.L. “War Protestantism” in Germany, 1914–1945 // Nationalprotestantische Mentalitäten. Konturen, Entwicklungslinien und Umbrüche eines Weltbildes / hrsg. von M. Gailus, H. Lehmann. Göttingen, 2005. S. 115.

и религиозной пропаганды, и проповедь являлась одним из ее ключевых инструментов. Через проповедь протестантские пасторы формировали в сознании пруссаков образ «нации с оружием в руках», подводя тем самым к введению всеобщей воинской повинности на общегосударственном уровне. Тем самым протестантское духовенство внесло немалый вклад в модернизацию как военной, так и социально-политической системы Пруссии, и этот модернизационный эффект длился как минимум до революции 1848–1849 гг.¹⁰⁹ и даже дольше. Олаф Блашке, Фридрих Вильгельм Граф, Каллум Дж. Браун и другие уже упоминавшиеся историки и социологи, вероятнее всего, правы, высказывая предположение о том, что секуляризация в Европе началась позднее XIX в. В некоторых регионах Европы, включая северо-восток (Пруссия), модернизация не обязательно означала секуляризацию. Применительно к массовой военной мобилизации можно скорее говорить, что модернизация шла рука об руку с интенсификацией религиозности.

Библиография / References

- Искюль С.Н.* Внешняя политика России и германские государства (1801–1812). М., 2007.
- Панченко А.А.* От «несчастливой войны» к освобождению от наполеоновского господства: Восточная Пруссия в 1806–1813 гг. Калининград, 2007.
- Iskjul' S.N.* Vneshnjaja politika Rossii i germanskije gosudarstva (1801–1812) [Russian foreign policy and German states (1801–1812)]. Moskva, 2007. (In Russ.)
- Panchenko A.A.* От “neschastlivoj vojny” k osvobozhdeniju ot napoleonovskogo gospodstva: Vostochnaja Prussija v 1806–1813 gg [From the “unfortunate war” to the Liberation from Napoleonic predominance: Eastern Prussia in 1806–1813]. Kaliningrad, 2007. (In Russ.)
- Altgeld W.* Katholizismus, Protestantismus, Judentum: über religiös begründete Gegensätze und nationalreligiöse Ideen in der Geschichte des deutschen Nationalismus. Mainz, 1992.
- Bauer J.* Schleiermacher als patriotischer Prediger. Ein Beitrag zur Geschichte der nationalen Erhebung vor hundert Jahren. Gießen, 1908.
- Bell D.* The First Total War: Napoleon's Europe and the Birth of Warfare as We Know it. Boston, 2007.
- Bergen D.L.* “War Protestantism” in Germany, 1914–1945 // Nationalprotestantische Mentalitäten. Konturen, Entwicklungslinien und Umbrüche eines Weltbildes / hrsg. von M. Gailus, und H. Lehmann. Göttingen, 2005. P. 115–131.
- Besier G.* Preussische Kirchenpolitik in der Bismarckära. Die Diskussion in Staat und Evangelischer Kirche um eine Neuordnung der kirchlichen Verhältnisse Preußens. Berlin, 1980.
- Bigler R.M.* The Rise of Political Protestantism in Nineteenth Century Germany: The Awakening of Political Conscience and the Beginning of Political Activity in the Protestant Clergy of Pre-March Prussia // Church History. 1965. № 34. P. 423–444.
- Birtsch G.* Religions- und Gewissensfreiheit in Preussen von 1780 bis 1817 // Zeitschrift für Historische Forschung. 1984. № 11. S. 177–204.
- Blaschke O.* Das 19. Jahrhundert: Ein Zweites Konfessionelles Zeitalter? // Geschichte und Gesellschaft. 2000. № 26. S. 38–75.
- Blaschke O.* Konfession im Konflikt. Deutschland zwischen 1800 und 1970: ein zweites konfessionelles Zeitalter. Göttingen, 2002.
- Borowski L.E.* Königsberger patriotische Predigten aus den Jahren 1806 bis 1816 / hrsg. von A. Uckeley. Königsberg in Preußen, 1913.
- Braun H.-J.* Die Haltung der christlichen Kirchen zum Krieg, dargestellt am Beispiel rheinischer Diözesen und Landeskirchen. Ein Vergleich // Die Kirchen in den deutsch-französischen Beziehungen. Vom Alten Reich bis zur Gegenwart / hrsg. von A. Linsenmann, und I. Dingel. Göttingen, 2018. S. 73–96.
- Brown C.J.* Religion and Society in Twentieth-Century Britain. London, 2006.
- Dann O.* Nation und Nationalismus in Deutschland. 1770–1990. München, 1994.
- Ebel J.W.* Die Weisheit von oben her. Königsberg, 1823.
- Ehrenberg F.* Das Volk und seine Fürsten, Volkswesen und Volkssinn. Leipzig, 1815.
- Evangelische Kirche der preußischen Union 1817–2003: ein Bild- und Textband / hrsg. von I. Gundermann, D. Meyer, H. Sander, C. Drese. Berlin, 2013.
- Frevert U.A.* Nation in Barracks. Conscription, Military Service and Civil Society in Modern Germany. Oxford, 2014.

¹⁰⁹ *Hartwig W.* Die Kirchen in der Revolution 1848/49. Religiös-politische Mobilisierung und Parteibildung // Revolution in Deutschland und Europa 1848/49 / hrsg. von W. Hartwig. Göttingen, 1998. S. 88.

Graf F.W. Die Nation – von Gott “erfunden”? Kritische Randnotizen zum Theologiebedarf der historischen Nationalismusforschung // “Gott mit uns”. Nation, Religion und Gewalt im 19. und frühen 20. Jahrhundert / hrsg. von G. Krumeich, H. Lehmann. Göttingen, 2000. S. 285–317.

Graf F.W. Sakralisierung von Kriegen: Begriffs- und problemgeschichtliche Erwägungen // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 1–30.

Graf G. Gottesbild und Politik. Eine Studie zur Frömmigkeit in Preußen während der Befreiungskriege 1813–1815. Göttingen, 1993.

Hagemann K. “Männlicher Muth und teutsche Ehre”. Nation, Militär und Geschlecht zur Zeit der antinapoleonischen Kriege in Deutschland. Paderborn, 2000.

Hagemann K. Umkämpftes Gedächtnis. Die Antinapoleonischen Kriege in der deutschen Erinnerung. Paderborn, 2019.

Hanstein G.A.L. Die ernste Zeit. Magdeburg, 1815.

Hartwig W. Die Kirchen in der Revolution 1848/49. Religiös-politische Mobilisierung und Parteibildung // Revolution in Deutschland und Europa 1848/49 / hrsg. von W. Hartwig. Göttingen, 1998. S. 79–108.

Hewitson M. Absolute War. Violence and Mass Warfare in the German Lands, 1792–1820. Oxford, 2017.

Holl K. Die Bedeutung der großen Kriege für das religiöse und kirchliche Leben innerhalb des deutschen Protestantismus (1917) // Gesammelte Aufsätze zur Kirchengeschichte. III. Der Westen. Tübingen, 1928. S. 302–384.

Hoecker M. Evangelische Christenheit in Politik, Gesellschaft und Staat. Orientierungsversuche. Berlin, 1998.

Hoover A.J. The Gospel of Nationalism. German Patriotic Preaching from Napoleon to Versailles. Stuttgart, 1986.

Horn C. Die patriotische Predigt zur Zeit Friedrichs des Großen // Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte. 1924. № 19. P. 78–128.

Jungklans R. Wie die Ereignisse der Freiheitskriege zu ihrer Zeit in Berlin kirchlich gefeiert worden sind // Jahrbuch für Brandenburgische Kirchengeschichte. 1914. № 11–12. S. 304–330.

Kähler L.A. Geschichte von Kottbuß, während der Jahre 1813–1814, nebst einer Auswahl in dieser Zeit über die politischen Ereignisse gehaltenen Predigten. Kottbuß, 1814.

Köhler K.A. Welche Pflichten fordert die hochwichtige Zeit von uns? Predigt am Sonntage Lätäre, den 28. März 1813, über Jesaias Kap. 7, 10–16 gehalten und zum Besten der unermögenden freiwilligen Vertheidiger des Vaterlandes dem Drucke übergeben. Berlin, 1813.

Kohli J. Anrede an die Landsturm-Mannschaft des Tammendorfer Bezirkes vor der Vertheidigung derselben // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 2. S. 30–34.

Krause H.-C. Freiheitskriege als heilige Kriege. 1792–1815 // Heilige Kriege. Religiöse Begründungen militärischer Gewaltanwendung: Judentum, Christentum und Islam im Vergleich / hrsg. von K. Schreiner. München, 2008. S. 193–218.

Kriege W.L. Wann soll unser Glaube groß seyn? Ein Wort für Christen, insonderheit an mein Preussisches Vaterland und die jungen Krieger und Vertheidiger desselben, zur Zeit der Gefahr, in einer Predigt am Sonntage Reminiscere. d. 14ten März d. J. gehalten. Berlin, 1813.

Marheinecke Ph. Predigten, vor verschiedenen Gemeinden zu Berlin gehalten. Berlin, 1814.

Mundt G.W. Einige Reden und Predigten bei wichtigen Veranlassungen des Krieges gehalten. Zur dankbaren Erinnerung an Deutschlands Errettung und zur Unterstützung der Wittwen und Waisen seiner Erretter. Halle und Berlin, 1816.

Nicolai C.F.F. Rede bei der Eidesleistung des Züllichauschen Landsturms // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 1. S. 51–57.

Nicolovius A. Denkschrift auf Georg Heinrich Ludwig Nicolovius. Bonn, 1841.

Ott G. Ernst Moritz Arndt. Religion, Christentum und Kirche in der Entwicklung des deutschen Publizisten und Patrioten. Düsseldorf, 1966.

Pfeiffer J.W. Erweckung zur Vaterlandsliebe. Eine Rede vor dem Abgang der zur Vertheidigung des Vaterlands eilenden Jünglinge. Berlin, 1813.

Planert U. Der Mythos vom Befreiungskrieg. Frankreichs Kriege und der deutsche Süden: Alltag – Wahrnehmung – Deutung. 1792–1841. Paderborn, 2007.

Pollack D. Säkularisierung – ein moderner Mythos? Studien zum religiösen Wandel in Deutschland. Tübingen, 2012.

Schilling H. Nationale Identität und Konfession in der europäischen Neuzeit // Nationale und kulturelle Identität. Studien zur Entwicklung des kollektiven Bewußtseins in der Neuzeit / hrsg. von B. Giesen. Frankfurt am Main, 1991. S. 192–252.

Schleiermacher F. Am 28sten März 1813 // Friedrich Schleiermacher’s literarischer Nachlaß. Predigten. Band 4. Berlin, 1837. S. 37–50.

Schulze J.F. Predigt am Tage des Ausmarsches der vaterländischen Krieger, den 28ten März 1813 // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1817. Bd. 8. S. 38–49.

Spieker C.W. Gebete, Predigten und Reden: Zur Zeit der Erhebung des Preussischen Volks gegen die Tirannei des Auslandes, im Felde und in der Heimath gehalten. Berlin, 1816.

Starke S.F. Gott ist den glaubenden Völkern nahe, und der Vertrauenden Schutz und Hilfe. Predigt, am Sonntage Palmarum, den 11ten April 1813 gehalten von dem jüngeren Oberprediger Starke zu Driesen. Berlin, 1813.

Tiede T. Zwei Predigten. Heidelberg, 1814.

Walter D. Meeting the French challenge. Conscription in Prussia, 1807–1815 // Conscription in the Napoleonic Era. A Revolution in Military Affairs? / eds D. Stoker, F.C. Schneid, H.D. Blanton. New York, 2009. P. 24–45.

Wendland W. Gottfried August Ludwig Hanstein als patriotischer Prediger in Berlin // Jahrbuch für brandenburgische Kirchengeschichte. 1915. № 12. S. 88–118.

Wendland W. Ludwig Ernst von Borowski, Erzbischof der evangelischen Kirche in Preußen. Ein Beitrag zur Geschichte der ostpreußischen Kirche im Zeitalter der Aufklärung. Königsberg in Preußen, 1910.

Wolf Ph.W. Anrede und Gebete bei Einweihung der Landwehr des Teltowschen Kreises. Am Grünen Donnerstage 1813 in Zossen gesprochen // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 1. S. 44–51.

Wolf Ph.W. Predigt am Dankfeste wegen Eroberung der Festungen Stettin, Torgau und Wittenberg // Gemeinnütziges Magazin für Prediger auf dem Lande und in kleinen Städten. 1814. Bd. 7. № 2. S. 61–73.

Wölfes M. Öffentlichkeit und Bürgergesellschaft. Friedrich Schleiermachers politische Wirksamkeit. Teil 1. Berlin, 2004.

Zimmer H. Auf dem Altar des Vaterlandes. Religion und Patriotismus in der deutschen Kriegsliteratur des 19. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1971.

Zscharnack L. Die Pflege des religiösen Patriotismus durch die evangelische Geistlichkeit 1806–1815 // Harnack-Ehrung. Beiträge zur Kirchengeschichte. Ihrem Lehrer Adolf von Harnack zu seinem siebenzigsten Geburtstag (7. Mai 1921) dargebracht von einer Reihe seiner Schüler. Leipzig, 1921. S. 394–423.